

УДК 811.161.1

**К ВОПРОСУ О ПАДЕНИИ РЕДУЦИРОВАННЫХ
ГЛАСНЫХ В ДРЕВНЕРУССКОМ ЯЗЫКЕ:
ХРОНОЛОГИЯ, ФОНОЛОГИЧЕСКИЙ МЕХАНИЗМ,
ОТРАЖЕНИЕ В ПАМЯТНИКАХ**

М.Б. Попов

Аннотация

В статье рассматриваются некоторые дискуссионные вопросы относительной и абсолютной хронологии падения редуцированных гласных в древнерусских диалектах, а также особенности его фонологического механизма. Фонологическая теория и материал памятников письменности XII в. подтверждают гипотезу о фонологизации нового **ѣ** до полной утраты слабого редуцированного гласного в следующем слоге. На основании противопоставления в рукописях XIII – XIV вв. написаний с **е**, **о** и **ѣ**, **ь** развивается концепция сравнительно позднего (после изменения сильных редуцированных в [e] и [o]) исчезновения редуцированных гласных из системы фонем. Понятие абсолютно слабой позиции, весьма неоднозначно оцениваемое в палеорусистике, рассмотрено в контексте гипотезы В.М. Маркова о неорганических редуцированных как спусковом крючке падения редуцированных гласных.

Ключевые слова: древнерусский язык, историческая фонология, падение редуцированных гласных, абсолютно слабые позиции, книжное произношение, новый ять.

Падение редуцированных гласных не только привело к их исчезновению из системы фонем, но и затронуло основы звукового (и не только звукового) строя древних славянских языков. Предпосылки его были одинаковыми у различных славян, а вот утрата редуцированных гласных происходила уже в отдельных славянских языках и диалектах в разное время. Даже восточные славяне не представляли монолитного единства в отношении падения редуцированных гласных. Столь масштабное изменение требовало значительного времени для своего полного осуществления. В древнерусском языке оно – при максимально широком подходе – заняло период с конца XI по XIV в. включительно, пройдя несколько этапов.

Падение редуцированных гласных в древнерусском языке хорошо отражено на письме, поэтому состояние еров в датированных памятниках традиционно имеет первостепенное значение для определения времени, а в ряде случаев и места написания недатированных древнерусских рукописей, в том числе с широкой датировкой. Кроме того, то, что мы знаем о падении редуцированных в древнерусском языке благодаря наличию сравнительно большого числа древних памятников, может быть спроецировано на другие славянские языки, в которых падение редуцированных происходило раньше, а его начальные этапы недостаточно засвидетельствованы памятниками письменности.

Несмотря на изученность истории редуцированных гласных в древнерусском языке, многие проблемы остаются дискуссионными. Ряд корректировок вносится по мере введения в научный оборот нового материала и появления теоретических решений, в значительной степени основанных на данных диахронической типологии. В статье рассматриваются некоторые из таких проблем.

Вопросы абсолютной и относительной хронологии падения редуцированных гласных всегда были в центре внимания палеорусистов, причём ряд гипотез, касающихся истории диалектного членения древнерусского языка, прямо выводится из того, что падение редуцированных в его диалектах происходило неодновременно. Ярким примером может служить гипотеза Н.С. Трубецкого о связи русско-украинских диалектных различий с разновременностью прохождения падения редуцированных на севере и юге древнерусской территории [1]. Гипотеза Трубецкого находится в прямой зависимости от вывода А.А. Шахматова о том, что в южных говорах древнерусского языка редуцированные гласные утратились на век раньше (середина XII в.), чем в северных (середина XIII в.) [2, с. 229]. В свою очередь выводы Шахматова основывались на материале древних памятников письменности. В частности, он опирался на состояние еров в южном (галицко-волынском) ДЕ1164¹ и в северных новгородских грамотах 60–70-х годов X в. и РП1282, которые в полном объёме отражали не только утрату слабых (у Шахматова, «полукратких глухих»), но и изменение сильных («кратких глухих») редуцированных. ДЕ1164, действительно, является самой ранней (хотя и не самой типичной для своего времени) крупной датированной рукописью, в которой очень последовательно отражено прояснение сильных редуцированных. Ни Мст, ни ГЕ1144 – южнодревнерусские памятники первой половины XII в. – ещё не отражают прояснения сильных редуцированных. Кроме того, ДЕ1164 является не только древнейшим памятником, отражающим полномасштабное прояснение сильных редуцированных, но и самой ранней датированной рукописью, фиксирующей новый **ѣ**. К тому же времени фактически относится Евф1161, где немало пропусков слабых еров (например, **кто, князь, вѣчиѣю, спаса, црькви**), но нет ни одного написания, отражающего прояснение сильного редуцированного (**чѣстьнии, чѣстьноѣ, крьсть**; ср. также отсутствие прояснения в корнях типа **tbrt*, в которых [ѣ] перед плавным был сильным и которые переданы «по-старославянски»: **дрѣзньеть, црькви**), причём в памятнике хорошо представлен новый **ѣ** (**камѣньѣ, нѣ изнесѣть, изнесѣть, игоумѣньѣ**). ДЕ1164, последовательно передающее новый **ѣ** и изменение редуцированных не только в слабой, но и в сильной позиции, всегда рассматривалось как памятник, материал которого хорошо согласуется с традиционной гипотезой о заместительном продлении гласного в новых закрытых слогах (перед утраченным слабым редуцированным следующим слога), выдвинутой ещё Ф. Миклошичем в середине XIX в. и принятой А.А. Потебней и другими учёными. А.И. Соболевский, обнаруживший новый **ѣ** в галицко-волинских рукописях XII – XIV вв., также рассматривал его как результат удлинения [e], который ничем кроме длительности не отличался от [ѣ] [3, с. 89–94].

¹ Здесь и далее названия рукописей даны в сокращённом виде, см. **Источники**.

Согласно гипотезе, до сих пор преобладающей в палеорусистике, после утраты слабых редуцированных в новых закрытых слогах происходило не только заместительное удлинение гласных [e] и [o], которые значительно позднее давали в украинском [i] (возможно, через промежуточную стадию дифтонгов), но и прояснение сильных редуцированных в [e] и [o]. Впрочем, параллелизм прояснения сильных редуцированных и появления нового **Ѣ** не вполне согласуется с данными Евф1161. Уже А.И. Томсон, критически оценивая теорию заместительного продления с общefonетических позиций, указывал, что гласные в закрытых слогах обычно короче, чем в открытых, поэтому если удлинение и имелось в древнеукраинском языке, то оно должно было происходить в условиях существования слабых редуцированных в следующем слоге [4, с. 318]. С фонологических же позиций убедительная критика теории заместительного продления содержится в работах Ю.В. Шевелева [5, р. 331–332] и П. Гарда [6]. Альтернативный (и более убедительный, на наш взгляд) подход исходит из того, что [e] и [ě] различались по подъёму, а не по количеству; соответственно, [e] переходил в [ě] вследствие повышения подъёма под влиянием слабого [ь], который, как и [ě], был гласным средневерхнего подъёма [5, р. 329–330]. Независимо от того, какой признак [ь] вызвал изменение [e] > [ě], новый [ě] должен был фонологизоваться до утраты слабого [ь] (возможно, непосредственно перед этим), так как после его утраты перестали бы существовать и условия, вызывавшие удлинение и/или сужение [e], превращающее его в [ě].

Таким образом, теоретически можно предположить возможность существования памятников с новым **Ѣ**, которые не отражали бы утраты неконечных слабых редуцированных. Мы располагаем, по крайней мере, одним таким памятником – СуздЗм, палеографически датируемым XII в. (или даже его первой половиной). Если более древняя датировка верна, то это самый ранний памятник с новым **Ѣ**. Как показало детальное исследование весьма необычной, но довольно последовательной графико-орфографической системы СуздЗм, новый ять в нём обозначается буквой **Ѣ** (ср.: **еѡѣсьскѣ** вместо **еѡесьскѣи**, **дѣчѣриео** вместо **дѣчерію**), а все как слабые, так и сильные еры сохраняются (ср.: **еѡѣсьскѣ**, **миръные**, **въ мирѣ**, **дѣчѣриео**, **сънь** и др. [7, с. 550–555]). Кроме того, при последовательном сохранении слабых и сильных еров в СуздЗм буквами **Ѣ** и **Ѣ** обозначаются не только [ь] и [ѣ], но и [e] и [o] (например, **рабѣма** вместо **рабома**, **пѣмѣзи** вместо **помози**, **крѣсть** вместо **крѣсте**, **хрѣщѣнии** вместо **хрѣщении**, **нарѣчѣныма** вместо **нареченыма** и др.). Наряду с новым **Ѣ** в памятнике отражается новое **о** галицко-волинского типа. Различие между новым **Ѣ** и новым **о** заключается в том, что в первом случае [e] в позиции перед слабым [ь] совпадает с уже существующей фонемой [ě] и соответственно обозначается буквой **Ѣ**, а во втором – [o] даёт новую фонему [ô], для которой в алфавите, естественно, не было предусмотрено особой буквы. Для обозначения [ô] в СуздЗм используется **о** (например, **своима**, **отрокѣ**, **гѡрьгиео** вместо **георѣгию**, **живѡѣтъные**), а для старого [o] – **ѡ**. Видимо, в СуздЗм представлена графическая система, которая сформировалась после возникновения новых **Ѣ** и **о**, но до утраты слабых редуцированных следующего слога и прояснения сильных в [e] и [o]. Из двух альтернативных решений – обозначать на письме различие между [e], [o] и [ě], [ô], пожертвовав различием [e], [o] и [ь], [ѣ], или, наоборот, сохранить различие

[e], [o] и [ъ], [ь], игнорируя новое противопоставление, – в условиях начавшегося падения редуцированных гласных было выбрано первое. Таким образом, СуздЗм отражает такое состояние звуковой системы галицко-волынского говора, когда фонологическое изменение – появление новых [ê] и [ô] – уже осуществилось (так как на письме отражаются только фонологические различия), а условие, вызвавшее его, – наличие слабого редуцированного в следующем слоге – ещё сохранялось.

Возвращаясь к вопросу о разном времени падения редуцированных гласных на юге и севере Руси, отметим, что уже во времена А.А. Шахматова были известны древнерусские письменные памятники, которые противоречили его гипотезе об утрате редуцированных в новгородском диалекте только во второй половине XIII в. Так, в ВарлХут сильные редуцированные проясняются (например, **за волховомъ, на волхевъци, корь, волмина при съ двѣма, рьль, пожьнь** и др.), причём в трёх случаях из пяти **о** на месте ера пишется в корнях типа **tъrt*, которые, по мнению Шахматова, наиболее убедительно доказывают переход [ъ] и [ь] в [e] и [o] в языке писца, так как здесь невозможно предполагать воздействия церковнославянской орфографии.

С точки зрения отражения редуцированных гласных одной из загадочных древнерусских рукописей долгое время было Мил. До последнего времени оно на основании нелингвистических данных косвенно датировалось 1215 г. (в лучшем случае – конец XII в.). По состоянию еров, даже с учётом его новгородского происхождения, Мил примыкало, скорее, к памятникам XI – начала XII в., чем к памятникам начала XIII в., так как в нём практически отсутствуют написания, отражающие прояснение редуцированных, а количество пропусков слабых еров ограничивается типичными для начала XII в. случаями. В Мил написания с **е** и **о** на месте [ъ] и [ь] в сильной позиции отмечены только формами: **скръжить sic!** 24в, 34б–в, 35а, 64в (постоянно с **ь** на конце), **смоковь** 104б, **смоковьница** 154в (дважды), **-цю** 119а, 127б (**-цоу**), 127в (дважды), 142в, 154б, **ѡ смоковьница** 133б, 157а, **смоковьничьское** 154в и **токмо** 154в [8, с. 168–169]. Написания с **е** и **о**, несомненно, проникли в Мил из южнославянского протографа. И.А. Фалёв приводил материал Мил в качестве наиболее убедительного свидетельства того, что полностью падение редуцированных гласных в северных древнерусских говорах осуществилось лишь в первой половине XIII в., поскольку в этом памятнике отсутствуют примеры прояснения редуцированных в корнях типа **tъrt* [9]. Недавнее исследование Г.А. Молькова подтверждает отсутствие в Мил написаний с прояснением редуцированного гласного в таких корнях [8, с. 93–100, 133–136]. Эту загадку Мил в настоящее время можно считать разрешённой благодаря усилиям ряда исследователей, которые убедительно доказали, что рукопись на целый век старше, чем традиционно считалось [8, с. 7–14].

Хотя исследование новгородских берестяных грамот внесло некоторые уточнения в наши представления о хронологии падения редуцированных гласных (естественно, в сторону удревления), в целом материал берестяных грамот подтверждает традиционную точку зрения, что активный процесс утраты слабых редуцированных в новгородском диалекте происходил в течение всего XII в., начавшись со второй четверти XII в. и завершившись к XIII в. Что касается перехода сильных редуцированных в [e] и [o], то он начался во второй половине XII в. и в целом завершился ко второй четверти XIII в. (см., например, [10, с. 58]).

Значение берестяных грамот для понимания падения редуцированных гласных очевидно: мы имеем материал в наименьшей степени, насколько это возможно, зависимый от церковнославянского влияния (в частности, от южнославянских протографов), который к тому же представлен как корпус с XI до XV в., то есть на протяжении всего (хотя и неравномерно по векам) периода, в рамках которого проходило падение редуцированных гласных в его широком понимании. Однако очевидны и недостатки берестяных грамот как источника в отношении редуцированных гласных. Во-первых, небольшой объём и специфика текстов часто не даёт необходимого материала для статистической обработки и сопоставления с данными книжных памятников; во-вторых, новгородский «уклон» в корпусе грамот не позволяет сопоставить однородные данные, относящиеся к разным диалектам, в частности, север и юг Руси; и, в-третьих, наличие так называемой бытовой (неполноразличительной) графической системы письма, для которой характерны различные типы неэтимологического употребления букв **ѣ/о** и **ѣ/е/ѣ**, конечно, затрудняет фонетическую расшифровку, тем более что большинство грамот с таким смешением приходится на XII – XIII вв., то есть именно на тот период, когда происходит активный переход сильных редуцированных в [е] и [о].

Долгое время историки русского языка пытались обнаружить фонетическую подоплёку смешения **ѣ/о**, **ѣ/е/ѣ** в памятниках древнерусской письменности (не только в берестяных грамотах). А.А. Шахматов видел в нём явление графическое, но считал, что оно вызвано прояснением сильных редуцированных гласных в древнерусском языке [11, с. 64]. Г.К. Голоскевич, исследовавший ЕЕ1283, в котором достаточно выпукло представлено такое смешение (особенно в приписке писца Евсевия), тоже интерпретирует его как графический приём, возникший «под влиянием, с одной стороны, живого языка, в котором сильные **ѣ** и **ѣ** перешли в **о** и **е**, а с другой – под влиянием традиционной графики, по которой писались **ѣ** и **ѣ** там, где в живой речи уже произносились **о** и **е**» [12, с. 24]. При этом он понимал, что речь идёт не об механических, бессознательных ошибках писца, а о графическом приёме. Дальнейшие исследования подтвердили, что различные типы мены букв **ѣ/о**, **ѣ/е/ѣ** в памятниках, подобных Смол1229, или в ряде берестяных грамот нельзя трактовать как ошибки писцов, поскольку они проводятся как графический приём на фоне почти безукоризненной в других отношениях орфографии. Однако написания со смешением **ѣ/о**, **ѣ/е/ѣ** в книжных памятниках, в которых они выступают как отклонение от нормы, в принципе, могут рассматриваться как ошибки, даже если они вызваны интерференцией бытовой графической системы.

Итак, традиционно смешение **ѣ/о**, **ѣ/е** трактовалось как графическое явление, обусловленное прояснением сильных редуцированных гласных в древнерусском языке. Однако такому объяснению противоречит тот факт, что подобное смешение засвидетельствовано уже памятниками первой половины XI в., в то время как изменение редуцированных в сильной позиции относится к значительно более позднему времени – не ранее середины – второй половины XII в. Видимо, древнейшим текстом со смешением **ѣ/о**, точнее с одной из разновидностей такого смешения (употреблением **о** вместо **ѣ**), является надпись на новгородском деревянном цилиндре, датированном первой половиной XI в.: **мечъничъ лазерево**

мѣхо. Таким образом, возникновение бытовой графической системы невозможно считать результатом древнерусского изменения сильных редуцированных гласных в [е] и [о].

В настоящее время большинство историков русского языка признаёт, что смешение букв **ѣ/о**, **ѣ/е/ѣ** в памятниках XI – XIII вв. – явление графическое и не отражает какого бы то ни было древнерусского фонетического изменения. Вывод о чисто графическом характере смешения **ѣ/о**, **ѣ/е/ѣ** имеет некоторые важные побочные следствия для исторической фонетики русского языка. Так, было несколько дискредитировано давно господствовавшее мнение, что смешение **ѣ/е/ѣ** в Смол1229 отражает переход [ѣ] > [е] в древнесмоленском диалекте. Если в новгородских берестяных грамотах такое смешение не может указывать на переход [ѣ] в [е], так как в новгородском диалекте фонема <ѣ> изменилась в [і], а не в [е], то и похожее смешение **ѣ/о**, **ѣ/е/ѣ** в Смол1229 тоже может трактоваться как чисто графическая особенность письма, а не указание на переход [ѣ] > [е]. Из того, что Смол1229 отражает переход [ѣ] > [е], делался вывод не только об отсутствии в древнесмоленском диалекте начала XIII в. фонемы <ѣ>, но и фонемы <ѡ> ([о] закрытое), что теперь тоже может быть поставлено под сомнение.

Однако признание того, что смешение **ѣ/о**, **ѣ/е** в древнерусских памятниках – явление графическое, не снимает вопроса о его генезисе. Поэтому возникли другие гипотезы происхождения бытовой графической системы. Одна из них подробно разработана А.А. Зализняком [13, с. 577–612] и получила в последнее время широкое распространение. Это остроумное объяснение смешения **ѣ/о**, **ѣ/е** в берестяных грамотах опирается на две другие гипотезы. Прежде всего, это гипотеза А.А. Шахматова о существовании в XI – XIII вв. особого церковного произношения еров [2, с. 268–270], поддержанная Н.Н. Дурново и позднее развитая Б.А. Успенским [14]. Согласно этой гипотезе русские книжники в XI – XII вв. читали независимо от сильной или слабой позиции редуцированного гласного букву **ѣ** как [е], а **ѡ** как [о] ([koto] **къѡ**, [četo] **чѡ**, [dene] **дѣнь**, [sono] **сѣнь**). По мысли Шахматова, такое произношение возникло вследствие контактов первых русских книжников с их учителями – южнославянскими книжниками, в языке которых уже произошло падение редуцированных гласных как в слабой, так и в сильной позиции. Но для объяснения генезиса бытовой графической системы этой гипотезы было бы недостаточно. Ещё одним звеном в объяснении А.А. Зализняка стало предположение, что в Древней Руси было распространено обучение книжному чтению без обучения книжному письму². Грамотеи, освоившие правила книжного чтения, при котором **ѣ** (= [е]) и **ѡ** (= [о]), как **о** (= [о]) и **ѡ** (= [о]), читались одинаково, но не усвоившие правил книжной орфографии, требовавшей различать **ѣ** (= [е]) и **ѡ** (= [ѡ]), как **о** (= [о]) и **ѡ** (= [ѡ]), переносили на письмо тождество букв **ѣ/е**, **ѡ/о** и породили таким образом бытовую графическую систему. Однако идея Шахматова и его последователей о церковном («литургическом», «книжном») произношении, несмотря на её распространённость, разделяется далеко не всеми историками русского языка. Недавно глубокую и всестороннюю критику этой гипотезы именно в связи

² Впрочем, и сам А.А. Зализняк признаёт, что «чистое обучение чтению, без всяких элементов обучению письму, является всё же скорее удобным конструктом, упрощающим описание основных особенностей ситуации, нежели полной реальностью» [13, с. 599].

с происхождением графической системы со смешением **ь/е**, **ь/о** дал И.М. Ладыженский [15, с. 99–119].

Любопытно, что после объяснения бытовой графической системы существованием книжного произношения еров сама бытовая система стала рассматриваться как подтверждение гипотезы Шахматова о церковном произношении. Но если до открытия бытовой системы смешение **ь/е**, **ь/о** в книжных памятниках являлось основным аргументом в пользу гипотезы церковного произношения, то теперь, когда само такое смешение в книжных памятниках стало рассматриваться как вкрапления бытовой системы, наличие в книжных памятниках смешения **ь/е**, **ь/о** уже не может служить основанием для гипотезы церковного произношения. Круг замкнулся, и гипотеза книжного чтения **ь** и **ѣ** повисает в воздухе. В самой гипотезе об особом книжном чтении еров в XI – XII вв. наиболее уязвимым местом является, на наш взгляд, то, что отражение такого чтения на письме «в принципе не допускалось церковнославянской орфографической нормой» [14, с. 158]. Шахматов и его современные последователи, с одной стороны, предполагают резкое расхождение между книжным и разговорным произношением, а с другой – исходят из того, что книжная письменная норма (орфография) совершенно не считалась с книжным же произношением (орфоэпией), а ориентировалась на произношение разговорное. Это имело место в ситуации, когда написания южнославянских протографов, переписываемых древнерусскими писцами, отнюдь не соответствовали разговорному произношению восточных славян, в котором редуцированные гласные сохранялись. Таким образом, древнерусская книжная орфографическая норма противоречила как древнерусскому книжному произношению, так и орфографической норме южнославянских памятников, но соответствовала живому древнерусскому произношению. Вся эта конструкция маловероятна, хотя теоретически, наверное, возможна.

Представляется, что нет необходимости постулировать особое книжное чтение еров в XI – XII вв., по крайней мере, столь кардинально отличающееся и от их разговорного произношения, и от их передачи в книжном письме, как в целом, так и для объяснения генезиса бытовой графической системы. При этом вывести бытовую графическую систему из проявления сильных редуцированных гласных на древнерусской почве и его отражения на письме нельзя, если согласиться с принятой в современной палеорусистике хронологией падения редуцированных у восточных славян. А вот связать возникновение такой графической системы с более ранним завершением падения редуцированных гласных у южных славян и отражением его результатов в переписываемых древнерусскими писцами памятниках, как это предлагает И.М. Ладыженский, представляется совершенно естественным. Именно в конце X – первой половине XI в., то есть на раннем этапе усвоения славянской письменности восточнославянскими книжниками, в условиях расхождения фонологической системы древнерусского языка и южнославянской орфографии в части передачи [ь] – [е] и [ѣ] – [о] могли быть заложены основы так называемой бытовой (неполноразличительной) графической системы.

Возражая против того, что смешение букв **ь/е**, **ь/о** в сильной позиции редуцированного гласного (ср. параллелизм написаний типа **дѣнь** = **день**, **сѣнь** = **сонь**) могло вызвать и смешение **ь/е**, **ь/о** в слабой позиции, А.А. Зализняк отмечает, что «безразличное употребление двух букв, ограниченное определённой позицией

(или определённым классом словоформ), никоим образом не вызывает всеобщего (не зависящего от позиции) смешения этих букв: иначе говоря, отнюдь не происходит забвения того факта, что они соотносятся с разными фонемами» [13, с. 593]. Но он говорит о древнерусской ситуации уже после прояснения сильных редуцированных, поэтому ни о какой «определённой позиции» (слабой или сильной позиции редуцированных гласных) речи идти не может, так как <ѣ> и <ѧ> как самостоятельных фонем к этому времени уже нет. «Всеобщее» же (то есть и в сильной, и в слабой позициях) смешение в такой ситуации совершенно естественно может быть вызвано тем, что в большом количестве авторитетных рукописей второй половины XII – первой половины XIII в. ѣ фактически может обозначать «ноль звука» (после мягкого) и [е], а ѧ – «ноль звука» (после твёрдого) и [о]. Соответственно, «правильные» написания, как **дѣнь** = **день**, **дѣне съ** = **дѣне съ**, **сѣнь** = **сонь**, **сѣно тѣ** = **сѣно тѣ**, вполне могли бы спровоцировать и такие свойственные бытовой графической системе написания типа **дене** = **дѣне**, **соно** = **сѣно**, **медо** = **мѣдъ** = **мѣдо**, **домо** = **дѣмъ** и т. п. Однако теперь (прежде всего благодаря исследованиям А.А. Зализняка) мы знаем, что графические системы со смешением ѣ/е, ѧ/о возникли до падения редуцированных гласных в древнерусском языке, но после падения и прояснения редуцированных гласных в древнемакедонских говорах, отразившихся в старославянских памятниках. Поэтому описанную выше ситуацию можно перенести в раннедревнерусский период первой половины XI в. с той поправкой, что в языке восточнославянских книжников редуцированные гласные [ѣ] и [ѧ] ещё существовали как самостоятельные фонемы, а в качестве авторитетных рукописей выступали старославянские рукописи с отражением результатов падения редуцированных гласных. Восточнославянский книжник видит в южнославянском оригинале написания типа **дѣнь** = **день**, **сѣнь** = **сонь** и выводит из них графическую систему, в которой ѣ и е могут обозначать как [ѣ], так и [е], а ѧ и о – как [ѧ], так и [о] его собственного произношения. Подчеркнём, что и в системе до падения редуцированных гласных смешение ѣ/е, ѧ/о должно было обязательно затронуть как сильные, так и слабые позиции. Для носителя языка никаких «слабых» и «сильных» позиций не существовало, так как аллофонные различия не осознаются и на письме не отражаются. Сильные и слабые редуцированные были аллофонами одной фонемы – <ѣ> или <ѧ>³. Соответственно, если писец по каким-то причинам поставил знак равенства между буквами ѣ=е, ѧ=о, то он может писать не только **сѣнь** = **сонь**, **дѣнь** = **день**, **конь** = **кѣнь**, но и **кѣназь** = **коназе**, **конь** = **коне** = **кѣнь** = **кѣне**.

Таким образом, формирование неполноразличительной графической системы не было прямо связано ни с падением редуцированных гласных в древнерусском языке, ни, видимо, с существованием в XI в. гипотетического «церковного» («книжного») произношения, а имело графико-орфографическую природу. Поскольку в основе любого графико-орфографического явления так или иначе лежит система фонем данного языка, то и в данном случае толчком к развитию графической системы со смешением е/ѣ, ѧ/о послужило различие

³ Это, впрочем, не значит, что в какой-то момент ещё до падения редуцированных гласных, возможно, в конце XI в., сильные и слабые стали разными фонемами, но к этому времени неполноразличительные графические системы, судя по всему, уже сформировались.

между фонологической системой восточнославянских говоров до падения редуцированных гласных и фонологической системой древнемакедонских говоров после падения редуцированных гласных, отразившейся в церковнославянских памятниках, переписывавшихся на Руси в конце X – первой половине XI в.

С вопросами хронологии тесно связана проблема механизма падения редуцированных гласных, специфика которого определяется тем, что оно включает в себя относительно самостоятельные фонологические изменения: элизию слабых и «прояснение» сильных, а значит и два различных механизма изменения. Памятники письменности однозначно указывают, что сначала редуцированные гласные утрачивались в слабых позициях, а затем изменялись в сильных позициях. При этом если выпадение слабых редуцированных – процесс очень длительный, в значительной степени фонетически и морфонологически обусловленный, то переход сильных редуцированных в [e] и [o], видимо, осуществлялся быстрее, хотя бы потому что он в известном смысле вклинивается в процесс ликвидации слабых редуцированных гласных: постепенная утрата слабых редуцированных начинается задолго до проявления сильных и заканчивается позднее окончательного перехода последних в [e] и [o]. Таким образом, завершение выпадения слабых редуцированных гласных происходило уже в условиях проявившихся в [e] и [o] сильных редуцированных. Для понимания механизма изменения существенно, что переход сильных редуцированных гласных с гласными [e] и [o] связан не столько с исчезновением слабых редуцированных гласных, сколько с процессами, происходившими в системе древнерусского вокализма, в первую очередь, с появлением фонемы <ô> ([o] закрытое) галицко-волынского (параллельно с развитием нового [ê]) или великорусского типа.

Когда говорят, что сначала исчезали слабые редуцированные гласные, а потом проявлялись сильные, это верно лишь отчасти. Материалы памятников XII – XIII вв. не позволяют реконструировать такой этап изменения, когда только сильные редуцированные гласные фонологически противопоставлены другим гласным. Поскольку до конца проявления сильных редуцированных гласных утратились не все слабые, а лишь те, которые находились в благоприятных с точки зрения консонантного окружения фонетических условиях (то есть в более или менее «простых» группах согласных), в древнерусском языке (по диалектам с конца XII до начала XV в. – фактически на протяжении всего так называемого позднерусского периода) сложилась ситуация, когда сохранялись только слабые редуцированные гласные. Наиболее благоприятными условиями сохранения слабых редуцированных гласных были случаи, где [ь] и [ъ] оказывались в группах согласных, ср. **двьри**, **дъска**, **дъбри**, **гльтати**, **кръстити**, **лестьца**, **лстень**, **мертвѣца**, **мьстиславъ**, **мьстити**, **сльза**, **сньха**, **тъстю**, **тъща**, **чьстенъ** и др. В орфографии памятников, отражающих проявление сильных редуцированных гласных, начиная с ДЕ1164 такая система представлена достаточно последовательно.

В ДЕ1164 **о** и **е** на месте сильных редуцированных гласных пишутся в разных типах корней, суффиксах и окончаниях в 96–100% случаев (в предлогах и приставках, конечно, меньше – 45%) [16, с. 3–11]. В слабых же позициях процент написаний с пропуском еров значительно меньше, а в сочетаниях из трёх и более согласных, то есть в «сложных» консонантных группах, практически отсутствует, причём еры никогда не опускаются в таких случаях, как **тъща**,

чъстенъ, стькланицю, снѣха, дѣждитъ, дѣскоу, възлюбитъ и т. п., но систематически отсутствуют в словоформах **дѣва, кѣто, чѣто, пѣтица, вѣсе, тѣмьно, възьрите** и т. п. Таким образом, следует предположить, что в языке писца слабые редуцированные гласные в случаях типа **дѣври, възлюбитъ**, с одной стороны, противопоставлены фонемам <е> и <о> в случаях типа **темно, возрите**, а с другой – нулю звука. Соответственно, сохранившиеся в группах согласных слабые редуцированные гласные продолжают оставаться аллофонами фонем <ь> и <ѣ>. Да, это пережиточные фонемы, уходящие на периферию системы, тем не менее они ещё сохраняются как самостоятельные фонемы. Сохранившиеся в сложных консонантных группах редуцированные гласные вели себя (по крайней мере, в момент проявления сильных) как слабые, что следует из изменения [ѣ] предшествующего слога в [о], а [е] в «новый ѣ» (ср. в ДЕ1164 **воскръсе, надо дѣври, ото плѣти, со слъзами** как **возрѣвъше, надо многыми, ото двою, со вѣмъ** и **нѣ кръстиша, нѣ чѣстоуѣтъ, нѣ чѣстовавѣше** как **нѣ всегда, нѣ чѣтѣтъ** [17, с. 105]).

Довольно последовательно орфография, противопоставляющая слабые редуцированные гласные в группах согласных фонемам <е> и <о>, проведена в тексте РП1282:

1) еры обычно пропускаются между двумя согласными (**правда, братню, кто, что, княжѣ (-а), мечникѣ, головника, гривна, мытника, все, всеволодѣ, начнетѣ, оутнетѣ, познаѣтъ ли, к нимѣ, в томѣ, кдѣ, два, бчелы** и др.), хотя в некоторых случаях, конечно, сохраняются (**сѣвъкоупивѣ|ше, сѣ дѣтъми, сѣ женою, вѣ разбон, вѣ дикоую, свободѣна, потьнетѣ, дѣчери** и др.) и даже ставятся в этимологически «безъеровом» предлоге **без** (**безѣ головника, безѣ людьми, безѣ языка, безѣ всякоя**);

2) на месте сильных еров обычно пишутся е и о (**коупецѣ, боярескѣ, гривень, вынезѣ, лѣчебноѣ, конечнии, жердѣю, надолзѣ, стополче, борть, бортьноюю, испорѣ|титѣ** и др.), хотя во многих случаях, особенно в сочетаниях с плавными, еры сохраняются (**коупецѣ, истьчѣ, възмоутѣ, кръвь, вѣрвь, вѣ търгоу, пѣртѣ, бѣртѣ, вѣ ртѣ** и др.). Единственной закономерностью, которая проводится почти стопроцентно, является сохранение еров в группах из трёх согласных (**роусьская, кыѣвьского, бѣлогородьского, оусьхнѣтъ, пѣхнѣтъ, крънѣтъ, кръвавѣ, мѣстити, мѣста, кѣсначѣ|ко, головничѣство, послоушѣство, холопѣство, тиоунѣство, истѣцю, възложилѣ** и др.). Есть только два отклонения: с одной стороны – **сплатити**, с другой – **вѣ дровѣхѣ**. Кроме того, 3 раза встречается написание **тысачького** с пропуском с в суффиксе -ѣск-, которое может указывать на утрату [ѣ] и упрощение группы согласных (**тысачьского > тысачского > тысяцкого = тысачкого** с отражением цоканья в новгородском списке). Впрочем, здесь могло иметь место фонетическое изменение, вызванное спецификой групп согласных (два свистящих вокруг [ѣ]: [t^s] + [ѣ] + [sk]) и позицией самого [ѣ] в самом «слабом» – втором заударном неконечном – слоге.

Материал, подтверждающий существование промежуточной фонологической системы с самостоятельными фонемами <ь> и <ѣ>⁴, восходящими к слабым

⁴ Можно предположить, впрочем, что в связи с развитием корреляции по мягкости/твёрдости сохранившиеся рефлексы слабых <ь> и <ѣ> слились в одну фонему типа **шва** (её можно обозначить [ə]), как это было с фонемами <ѧ> (<*ѣ>) и <а>.

редуцированным гласным и противопоставленными фонемам <e> и <o>, представлен во многих древнерусских памятниках XIII – XIV вв. [18, с. 259–265]. Дальнейшая судьба этих пережиточных фонем известна. С одной стороны, они могли идентифицироваться и совпасть с фонемами <e> и <o> и их позднейшими рефlekсами (ср. в ДЕ1164 **тыща** – всего 6 раз в корне **теш-** и 1 раз **тешю**, но в ГЕ1266–1301 уже только **теща**, **тешю**, в ЛЕ **теща**, **тешю**; в ДЕ1164 **дѣбри**, но в ЛЕ XIV в. **дебри**; в ДЕ1164 **жѣзла**, **жѣ|зла**, а в ГЕ1266–1301 уже **же|зла**, **жезѣ|ла** и т. п. [17, с. 107–108]), а с другой – поскольку оставшиеся редуцированные гласные находятся в некотором смысле в дополнительном распределении с нулём звука ([ъ] и [ѣ] в окружении более чем двух согласных оказываются как бы реализацией нуля звука, ср. **судба**, **собрати**, но **дѣбри**), они могут трактоваться носителем языка и начинают реализовываться как нуль звука, то есть утрачиваются (**дѣбранискъ** > **дбранискъ** > **бранискъ** > совр. **Брянск**). Этот завершающий падение редуцированных процесс происходил во второй половине XIII – XV в. на так называемом морфонологическом этапе падения редуцированных гласных [18, с. 265–280].

Возможность такой интерпретации отражённых орфографией памятников позднерусского периода слабых еров иногда недооценивается. Так, трудно согласиться с И.М. Ладыженским, когда он, исследуя орфографическую систему основного переписчика (писца В) двух северо-восточных прологов второй половины XIV в. (из собрания Библиотеки Московской синодальной типографии РГАДА – Т165 и Т167), приходит к выводу, что еры у него не обозначают каких-либо гласных, а указывают лишь на твёрдость/мягкость предшествующих согласных [17, с. 98, 156–160]). Судя по материалу рукописей, писец В последовательно отражает утрату слабых редуцированных гласных (**сборѣ**, **с братомѣ**, **схрани**, **оумвение**, **введе** и др.) и прояснение сильных (**возму**, **вѣнецъ**, **жидовскъ** и др.), однако в некоторых «сложных» группах согласных на месте этимологических редуцированных гласных пишет **ѣ**, **ѣ** (**дѣски**, **крѣсти**, **лѣсти**, **мѣздѣ**, **чернѣци**, **вѣзложи**, **вѣзможе** и др.) или **о**, **е** (**возведе**, **возвѣстиша**, **дивлеса**, **куплеше** и др.). И.М. Ладыженский полагает, что написание еров в таких случаях, как **дѣски**, **чернѣци**, **вдовѣство**, **волѣство**, **вѣзложи**, – явление графико-орфографическое, а писец просто считал буквы (например, последовательно **ѣ** пропускается между двумя согласными – **взови**, **взиде** и др. – и сохраняется в группе из трёх и более согласных – **вѣзможе**, **вѣздати** и др.) [17, с. 133–134]). Думается, что у писца В еры в сочетаниях из трёх и более согласных во многих случаях отражали сохранившиеся слабые редуцированные гласные, которые находились в процессе исчезновения или вокализации, причём такое состояние было, видимо, особенностью диалекта писца, а не «книжного» произношения.

Одной из традиционных проблем падения редуцированных гласных является трактовка так называемых абсолютно слабых позиций редуцированных. Понятие абсолютно слабых редуцированных сформировалось в процессе поисков ответа на вопрос, в каких позициях редуцированные гласные начали утрачиваться раньше всего. Исследователи обратили внимание на то, что в древнерусских рукописях существовал круг корневых морфем (словоформ), которые уже в XI – начале XII в. часто пишутся с пропусками еров. Обычно редуцированные

в таких словах находились в начальном слоге корня: **вьдова, вьсе, гьнати, дьва, зьло, кьназь, кьто, мьного, пьтица** и др. А.А. Шахматов сделал вывод о том, что редуцированные сначала выпадали в начальном слоге словоформы. Позднее И.А. Фалёв, подвергнув критике аргументы Шахматова, в частности, обратив внимание на то, что начальный слог корня не совпадает с начальным слогом фонетического слова (**мьного ~ оумьножити, кьназь ~ съ кьнязьмь** и т. п.), выдвинул гипотезу, что «падение глухих» в русском языке началось не в первом слоге слова, а в корнях, где **ъ, ь** не чередовались с **ъ, ь** сильными или были «пустыми», «лишними» для языкового сознания» [9, с. 121]. Впоследствии слабые редуцированные в таких морфемах, где они не чередовались с сильными, то есть находились постоянно в слабой позиции, были названы «абсолютно слабыми» или «изолированными», а мысль о том, что падение редуцированных началось с абсолютно слабой (изолированной) позиции, получила широкое распространение в палеорусистике. И.А. Фалёв опирался на прототипические корни (**дьва, кьназь, мьного** и т. п.) и рукописи, в которых имелось «постоянное в одних и частое в других рукописях написание **мног-, кназь**, отчасти в противопоставлении более частому **зьло** и т. п.» [9, с. 121]. Постепенно исследователи увеличивали количество таких корней. Вот примерный список наиболее часто встречающихся в рукописях слов с абсолютно слабыми ерами: **бьчела, вьдова, вьнукъ, вьторъ, вьчера, гьнути, дьва, доньдеже, кьде, кьнигы, кьназь, кьто, мьнихъ, мьнѣ, мьнѣти, мьного, пьсати, пьтица, пьшеница, съдоровъ, съде, тьгда, тькъмо, упьвати, чьто**. С учётом производных количество слов с абсолютно слабыми редуцированными гласными значительно увеличивается. Однако вследствие того, что критерием разграничения слабых и абсолютно слабых еров выступает морфемное тождество (особенно при стремлении учитывать «языковое сознание» носителей древнего языка), возникает много спорных случаев. В этот список обычно включают слово **пьтица**, но следует ли считать, что в нём представлен тот же корень, что и в слове **пьтька**, где [ъ] в корне сильный? Если да, то [ъ] в слове **пьтица** не должен трактоваться как абсолютно слабый. Считать ли однокоренными для периода падения редуцированных гласных слова **къто** [къ-то] и **кьи** [къ-йъ], **чьто** [сь-то] и **чи** [сь-йъ]? Произошло ли опрощение в слове **съдоровъ**? Выделяется ли приставка в слове **сьмьръть**? И так далее. Окончательных ответов на эти вопросы нет.

К приведённому списку примыкают падежные формы местоимения **вьсь** с [ъ] в слабой позиции. Некоторые исследователи рассматривают корневой [ъ] данного местоимения как абсолютно слабый, хотя он не был изолированным: в формах им. и вин. п. ед. ч. в большинстве диалектов он находился в сильной позиции (**вьсь**; ср. также наречия **вьсьде** и **вьсьжде**). Исключением был древненовгородский диалект, где форма им. п. ед. ч. была **въхе** (или **въхе**) при вин. п. ед. ч. **въхъ** (или **въхъ**) с редуцированными в сильной позиции. Во всяком случае для древненовгородского диалекта есть больше оснований, чем для других диалектов, предполагать абсолютно слабую позицию [ъ] в местоимении **въх-**, так как в его парадигме ни им. п. ед. ч., ни род. п. мн. ч. не имели сильного [ъ] в корне. Но форма вин. п. ед. ч. с сильным [ъ] не позволяет отнести слабый [ъ] в других формах парадигмы **въх-** к абсолютно слабым даже в древненовгородском диалекте.

Внимание исследователей издавна привлекала форма им. п. ед. ч. **всь** с пропуском сильного редуцированного гласного в ряде старославянских и древнерусских, прежде всего новгородских, памятников (М1095, М1097, Ил, Мил)⁵. Поскольку написание **всь** встречается в старославянских памятниках, оно обычно объясняется как явление графико-морфологической аналогии, то есть индукцией со стороны форм, где **ь** пропусклся в слабой позиции [20, с. 48], а в древнерусских текстах трактуется как прямое влияние старославянских протографов. Однако с учётом наших новых знаний о древненовгородском диалекте для новгородских рукописей XI – XII вв. нельзя исключить и другого объяснения, основанного на взаимодействии книжного (киевского) и диалектного (псковско-новгородского) произношения местоимения **всьь**. Можно предложить следующую гипотезу. Новгородский книжник, стремясь приблизиться к престижному киевскому произношению, совместил киевское им. п. = вин. п. [vъsъ] и псковско-новгородское им. п. [vъxe] ≠ вин. п. [vъxъ], в результате чего появилась гибридная форма им. п. = вин. п. [vъse] (со слабым [ъ] в корне), которая могла передаваться написанием **всь** наряду со стандартным **всьь**. От киевской модели здесь сохраняется им. п. = вин. п. и [s] в конце основы, а от псковско-новгородской – флексия [e]. Изучавший псковские рукописи XIV – XV вв. Н.М. Каринский заметил, что **всь** регулярно пишется в памятниках с особенно ярко выраженными диалектными чертами, а в памятниках, переписанных более грамотными писцами, **всь** и **всьь** чередуются, причём с преобладанием **всьь**, и пришёл к выводу, что форма, стоящая за частотным **всьь**, произносилась с гласным на конце, а написание **всь** было для псковской письменности более древним, чем **всьь**, которое, по его мнению, введено в XV в. литературным путём [21, с. 168–169].

Сложности в определении круга слов с абсолютно слабыми редуцированными связаны не только с наличием пограничных случаев, но и с тем, что практически нет рукописей, в которых строго и последовательно проводился бы принцип пропуска редуцированных гласных только в постулируемой на основе морфологической изолированности абсолютно слабой позиции, то есть таких, где бы, например, еры пропускались только в словах типа **дъва**, **къназь**, **мънихъ** и др., но совсем не пропускались бы в формах **дъни**, **окъно**, **умъни**, **съна** и т. п. Краткие тексты, в том числе и берестяные грамоты, не очень показательны. Так, в надписи на Тмутараканском камне 1068 г. в двух словах пропущены абсолютно слабые редуцированные (**гльбъ** и **кназь**). Ещё в одном – **тъмѣторокана**, где [ъ] можно отнести к абсолютно слабым, он сохраняется, а обычных слабых еров в надписи нет (кроме еров на конце слова). В Мст **ъ** чаще всего пропускается в корне **зъл-**, который содержит обычный слабый редуцированный⁶ (20 написаний при 47 написаниях с **ъ** не на конце строки и 9 написаниях с надстрочным значком), при том что абсолютно слабые еры совсем не пропускаются в корнях **бъчел-** (2 раза), **въдов-** (16 раз), **вътор-** (13 раз), **въчера** (1 раз), **сьде** (48 раз), а в таком показательном корне, как **дъв-**, на 11 случаев с ером

⁵ Иногда отсутствие **всьь** рассматривается как дополнительное свидетельство неновгородского происхождения памятника, как это делает М.А. Фёдорова в отношении Мст [19, с. 171].

⁶ Сам Фалёв не относил **ъ** в **зъл-** к абсолютно слабым и даже наоборот противопоставлял его словам с изолированным редуцированным.

и 103 написания с надстрочным значком приходится только 9 написаний с пропуском ера [19, с. 170].

Всё это заставляет исследователей относиться к реальности абсолютно слабых позиций с некоторым предубеждением и игнорировать их роль в процессе падения слабых редуцированных. Так, Г.А. Хабургаев считал пропуски еров в изолированных позициях свидетельством утраты слабых редуцированных во всех позициях, а написания с сохранением еров в неизолированных позициях – следованием орфографической традиции [22, с. 400–401]. Эта крайняя точка зрения разделяется немногими. Есть и противоположный подход, имеющий большие основания и длительную традицию в отечественной палеославистике: пропуски еров в памятниках XI – начала XII в. вообще не отражают утраты редуцированных гласных, а указывают на сформировавшуюся под влиянием старославянских рукописей орфографическую традицию. Согласно этой точке зрения даже Мстиславова грамота (около 1130 г.) не отражает начального этапа падения редуцированных гласных. И с той, и с другой точкой зрения трудно согласиться [18, с. 244–247]. Само понятие *абсолютно слабой позиции* в духе И.А. Фалёва (то есть как морфологически изолированной⁷) родилось в процессе выяснения, в каких позициях редуцированные гласные исчезали раньше всего, причём Фалёв рассматривал пропуски еров в такой позиции как свидетельство утраты гласного в живом говоре писца [9, с. 120]. Таким образом, в условиях начавшегося падения редуцированных гласных морфонологическая изолированность редуцированного способствовала лишь более ранней его утрате. Этот фактор вряд ли мог быть единственным. Несомненно, он пересекался с другим не менее, а может быть, и более важным фактором – с особенностями согласных, окружавших редуцированный. Имеются и иные трактовки написаний типа **дѣва**, **кѣназь**, **мѣного**, в которых пропуск еров отражается раньше, чем в других слабых позициях.

Видимо, понятие *абсолютно слабой позиции* не должно носить столь формализованного характера, который оно получило после работы И.А. Фалёва. Это понятие отражает некую тенденцию, некую статистическую доминанту, которая ни в одном из древнерусских памятников XI – XII вв. не проводится очень строго. В конце концов, это и не удивительно, если учесть, что восточнославянские писцы осваивали письмо, переписывая южнославянские памятники, в которых падение редуцированных гласных было уже широко отражено. Кроме того, отделяя абсолютно слабые (изолированные) позиции от обычных слабых (неизолированных), возможно, следовало бы учитывать не всеобщий корень родственных слов, а парадигму словоформ одной лексемы [18, с. 253–254]. Тогда в парадигме **зълъ**, **зѣла**, **зѣлу** и т. п. мы в корне **зъл-** обнаружим обычный слабый редуцированный, а в парадигмах **зѣлоба**, **зѣлобы**, **зѣлобѣ** и т. п. или **зѣлодѣи**, **зѣловѣрие** и многих других – абсолютно слабый в том же корне. Такое предположение нуждается в проверке на материале рукописей XI – XII вв.

⁷ Ср. иное понимание абсолютно слабых позиций у В.Н. Чекмана. На основе типологических наблюдений он предлагал считать абсолютно слабыми позициями предударный слог и конец слова, так как в исследованных им языках именно в этих позициях наиболее последовательно осуществляется редукция централизованных гласных [23, с. 205–206].

По-новому интерпретировать абсолютно слабые позиции оказалось возможным в контексте гипотезы В.М. Маркова о неорганических (вставных) редуцированных [24]. Одной из особенностей механизма падения редуцированных гласных, по мнению учёного, было развитие вставных редуцированных внутри исконных групп согласных (**дворѣ** > **дѣворѣ**, **три** > **тѣри**, **гнѣвъ** > **гнѣвъ**, **земля** > **земьля**), которым сопровождалось падение слабых редуцированных. Как показал В.М. Марков, вставки неэтимологических редуцированных широко отражены памятниками XI – XII вв. В.Н. Чекман отметил, что «в языках с редукцией централизованных гласных нередко появляются неэтимологические редуцированные в конце слов и в группах согласных» [23, с. 208]. Он полагал, что наблюдения В.М. Маркова вполне согласуются с этими данными диахронической типологии. Однако примеры из французского (появление *a-muet* после одиночного согласного в конце слова), японского (разбивка консонантных групп звуками [i], [u] в заимствованиях типа *durama* < англ. *drama*) и хинди (то же самое в заимствованиях из санскрита), которыми Чекман иллюстрирует соответствующую закономерность, мало похожи на то, что реконструирует Марков для древнерусского языка. По Маркову, неорганические редуцированные, которые в рукописях могли передаваться как ерами, так и надстрочными знаками, появляются именно в исконных сочетаниях согласных, которые не противоречили действию закона открытого слога (восходящей звучности). Что касается заимствований эпохи до падения редуцированных гласных, то в них вставные [ѣ] и [ѣ] появлялись в тех группах согласных, которые были невозможны в позднем праславянском (**анѣдрии**, **пѣсальмѣ**, **серьгии** и др.), и такие вставные редуцированные прямо не связаны с гипотезой В.М. Маркова. Именно развитие неорганических гласных, которые, кстати, в основной массе были морфонологически изолированными, приводило, по мысли Маркова, к дефонологизации слабых редуцированных. Широкое распространение неорганических редуцированных в таких словах, как **дѣворѣ/д'ворѣ**, **тѣри/т'ри**, **гнѣвъ/г'нѣвъ** < **дворѣ**, **три**, **гнѣвъ**, приводила к тому, что этимологические редуцированные гласные в таких словах, как **дѣва**, **тѣри**, **гнати**, перестали противопоставляться фонематическому нулю, а значит, они сами превращались в фонематический нуль. В функциональном отношении этимологические слабые [ѣ] и [ѣ] были как бы «дискредитированы» вставными неэтимологическими редуцированными [24, с. 170]. Если гипотеза В.М. Маркова верна, то именно абсолютно слабые редуцированные в первую очередь и должны были ассоциироваться с фонематическим нулём.

Не все исследователи, впрочем, согласны с В.М. Марковым в том, что развитие неорганических гласных послужило причиной падения редуцированных и тем самым предшествовало ему. Наоборот, можно рассматривать его скорее как следствие начавшегося процесса падения слабых редуцированных (см., например, [18, с. 291–292; 25, с. 237–238]). Вставки редуцированных в исконные группы согласных трудно объяснить с позиций действия тенденции к открытости слога, так как сами эти группы согласных не нарушали открытости слога (если не считать, конечно, корни типа **tьrt*, в которых у восточных славян развивалось второе полногласие, но это особый случай). Логичнее предположить, что развитие неорганических редуцированных было именно реакцией

на начавшееся ослабление слабых редуцированных, которое началось вследствие истощения тенденции к открытому слогу. Развитие неэтимологических редуцированных обеспечивало условия для дефонологизации основной массы слабых редуцированных и облегчало плавное свёртывание закона открытого слога.

Важно подчеркнуть, что В.М. Марков, уравнивая этимологические и вставные редуцированные в фонологическом качестве, не предполагает для раннего этапа падения редуцированных собственно фонетической утраты гласного звука, он говорит лишь о функциональном ослаблении исконных редуцированных гласных, об их нейтрализации с фонематическим нулём. Таким образом, получается, что при утрате слабых редуцированных фонологическое изменение предшествовало фонетическому, а фонетическая реальность уже потом подтягивалась за фонологическую. Такой механизм способствовал постепенности и плавности прохождения столь глобального фонологического изменения, каким было падение редуцированных гласных в славянских языках.

Одной из типологических особенностей звуковых изменений, связанных с утратой гласных, является то, что на ранних этапах процесса ослабление и выпадение гласного всегда выступают как признак разговорного стиля произношения [23, с. 206, 208]. По мере развития процесса падения слабых редуцированных произношение без гласного постепенно распространялось с разговорного (эллиптического) стиля на нейтральный, а затем на полный (в конце концов даже на «сверхполный»). Такое движение текущего фонетического изменения вверх по стилистической шкале обычно сложным образом пересекается с возрастной и социальной характеристикой носителей языка. Приблизительно с середины XII в. до середины XIII в. (видимо, в разных диалектах и возрастных группах в разное время) сложилась такая ситуация, когда в изолированной позиции и на конце слова, а также в простых группах из двух согласных слабые редуцированные утратились фонологически (перестали противопоставляться нулю звука) и фонетически (перестали произноситься⁸). При этом до конца XII – начала XIII в. слабые редуцированные, утрачиваемые в разговорном и даже в полном стиле, могли восстанавливаться в особых стилистических условиях (при декламации идеологически важных и поэтических текстов), воспроизводясь как элементы традиционной ритмической структуры текста. Естественно, что восстановление слабых редуцированных было затруднено именно для абсолютно слабых (морфонологически изолированных), так как они не поддерживались сильными в тех же морфемах и словоформах (ср. [kən'ǣz'ǣ] **кѣназа**, **кѣназю**, **кѣнази** и т. п., **кѣнигы**, **кѣнигъ**, **кѣнигами** и т. п., но [okəno] **окѣно** – [okopə] **окѣнь** – [okop'əs'e] **окѣньце** – [okən'es'ə] **окѣньць**).

Проследить детали отражения на письме таких стилистических сдвигов в произношении, осложнявшихся к тому же комплексом фонетических и морфонологических условий, практически невозможно, но общая тенденция на материале памятников XI – XV вв. отчётливо просматривается и хорошо известна исследователям: количество словоформ с пропущенными слабыми ерами постепенно увеличивается. Несмотря на множество привходящих обстоятельств

⁸ Здесь, видимо, были возможны различные последовательные стадии ослабления гласного, которые невозможно точно реконструировать; вплоть до *нефонологических* гласных неопределённого тембра типа *шва* ([kʰn'ǣz'e] **кѣнаже**, [okʰno] **окѣно** и т. п.).

(влияние протографов, орфографическая традиция, выучка писцов, тип памятника и т. п.), затрудняющих фонетическую расшифровку текстов, отражение в них падения редуцированных гласных поразительно напоминает развитие живого фонетического процесса (*sound change in progress*). Этот вывод может быть распространён и на отражение в древнерусских памятниках изменения сильных редуцированных в [e] и [o].

Из рукописей XI в., пожалуй, только ЕвгПс имеет многочисленные написания с **е** и **о** на месте сильных редуцированных (**начатокъ, любовь, сждьнои, день, мѣсть, конецъ, правьдень, вышедъ** и т. п. [26, с. 302]) при полном отсутствии каких-либо написаний с пропуском слабых еров. Учитывая, что в ЕвгПс примеры с прояснением редуцированных гласных в корнях типа **tʲrt* отсутствуют (ср. **твьрдо, оутвьрдиса, съ|мьртънѣи, осквьрнѣвъша** и др. при господстве написаний со «старославянским» порядком плавного и еров, но с различением редуцированных гласных – **мрътвыа, твьрды, грѣднн, мльннн** и др.), можно полагать, что написания с **е** и **о** на месте сильных еров проникли в ЕвгПс из оригинала. Что касается памятников XII в., то на юге это ГЕ1144, в котором ещё нет написаний, отражающих прояснение сильных редуцированных. Таковы же, как было показано выше, Евф1161 и СуздЗм, хотя эти памятники не столь показательны в силу небольшого объёма. На севере широко отражает утрату слабых редуцированных переписанный в Новгороде УстС (около 1170 г.), при этом «сильные редуцированные нигде не заменены на письме буквами **о** и **е**» [27, с. 8]. На этом фоне своим сходством с ЕвгПс выделяется ТолПс, которая может быть датирована началом XII в. [28]. У основного писца рукописи представлены как написания с пропуском еров в абсолютно слабой и слабой позиции (**въ злюбѣ** 48, 87об, **злаа** 101, **оумножать** 107, **прѣдъ князи** 51об, **кто** 165, **никто** 259, **к томоу** 49, **разгнани** 159об, **събрашася** 45об, **възвахъ** 5об, **вѣчно** 51, **евангелскимъ** 30 и др.), так и довольно широко с прояснением в сильной позиции (**весь** 43об, **весьде** 4об, **день** 229, **деньми** 56, **дождь** 111об, **мѣсть** 97об, **чѣстно** 235об, **сънемъ** 144об, **соньмише** 143об, **праведьника** 52об, **шепѣтаахоу** 62об, **пришелъ** 203об, **павель** 57об, **слезъ** 220об, **бренье** 11, **силень** 23об, **пользень** 60, **правьдень** 81, **старьчески** 236об и др.). Написания с прояснением в корнях типа **tʲrt* в ТолПс отсутствуют.

В связи с разновременностью падения редуцированных гласных на севере и юге Руси представляет интерес ПЕ. Оно, видимо, было переписано в первой половине XIII в. в Новгороде, возможно, с галицко-волинского оригинала и отражает этап между падением слабых и прояснением сильных [ь] и [ѣ]. При большом количестве написаний с пропуском слабых еров, которые сохраняются только в определённых позициях (прежде всего в группах согласных, между двумя одинаковыми согласными и в некоторых других случаях), в рукописи зафиксировано лишь 4 примера с прояснением сильных редуцированных (**долгъ, столпъ, трии сотъ, четвертовластецъ** [29, с. 9–10]), впрочем, два из них показательны, так как отмечены в корне **tʲlt* и, вероятно, вынесены из оригинала.

В СИ (вторая половина XII в.) случаев пропуска слабых еров в корнях немного по сравнению со случаями их сохранения [30, с. 11] и наблюдаются эти пропуски обычно в изолированной позиции (**книгъ-, князъ-, многъ-, птицъ-, двъ-, злъ-, кто, мнъ-, тлъ-, что** и т. п.). А в других случаях главным образом после

плавного [г] (**орла, творца, двѣрми, вѣрно, оумьрша**); кроме того, имеются написания на **р** в конце строки), причём отсутствует замена еров буквами **о, е**.

Более ранняя стадия изменения зафиксирована в рукописи Злат (первая половина или середина XII в.): в абсолютно слабой позиции (особенно в корнях **книг-, княз-, мног-**) пропуск редуцированного гласного отражается, но таких написаний очень мало (кроме того, отмечены написания с пропуском ера в предлоге **къ**, ср.: **к томоу, к тебѣ, к намѣ**). В этой рукописи встречается и пропуск редуцированных гласных в обычной слабой (не абсолютно слабой) позиции (например, в суффиксе **-ѣн-**) между согласными **бн, вн, зн, дл, сн, лн, жн, мн, рн, тн, рш, вш, тл**, а в исконных сочетаниях **бн, гн, зн, кн, сн, бл, вл, мл, пл, бр, тв, тр** отмечаются написания с неорганическими ерами, то есть фактически в тех же сочетаниях согласных, где отмечен пропуск этимологических еров; написаний с **о, е** на месте сильных редуцированных практически нет [31, с. 13].

Злат и СИ трудно поддаются однозначной локализации, но, учитывая степень отражения падения редуцированных гласных и отсутствие нового ятя, цоканья и других ярких диалектных фонетических особенностей, исследователи [30, с. 9; 31, с. 6] указывают на их северо-восточное (ростово-суздальское) происхождение. Если это так, то рукопись Злат можно считать древнейшим дошедшим до нас памятником письменности Северо-Восточной Руси, более древним, чем СИ (вторая половина XII в.). Северо-восточные рукописи ТрК, ЖН1219, ТА1220, УЕ начала XIII в. (не позже 40-х гг.) из Ростова Великого отражают уже завершающую стадию падения редуцированных гласных. Об этом свидетельствует последовательное отражение как выпадения слабых редуцированных (**тма, правдоу, овца, сдѣла, сборъ, бывши** и др. при сохранении их в группах согласных – **тъща, дѣщи, слѣза, дѣскы** и др.), так и вокализации сильных редуцированных (**поверже, столпѣ, темницу, правѣдѣнь, правѣдникѣ, жидовескѣ, любовью, шепты, сажѣць** и др.), причём в них представлен также смешение **ѣ/о, ѣ/е** [32, с. 205; 33, с. 335–336]. Если принятая исследователями диалектная принадлежность этих памятников верна, активный процесс падения редуцированных гласных в Северо-Восточной Руси – будущей великорусской территории – можно отнести к середине XII в. – первой половине XIII в. Упомянутые северо-восточные рукописи (Злат, СИ и ростовские начала XIII в.) отражают последовательное развитие этого процесса в говорах, которые позднее легли в основу современного русского литературного языка.

Summary

M.B. Popov. On the Fall of Reduced Vowels in the Old Russian Language: Chronology, Phonological Mechanism, Reflection in Written Records.

The paper is focused on some controversial issues of relative and absolute chronology concerning the fall of reduced vowels in the Old Russian dialects, as well as peculiarities of its phonological mechanism. The phonological theory and Old Russian written records of the 12th century support the view on new jat (ѣ) phonologization before the fall of the weak reduced vowel in the next syllable. Based on the contrasting graphemes of **е, о** and **ѣ, ѣ** in the manuscripts of the 13th–14th centuries, the idea of rather late (after the change of strong reduced vowels in [e] and [o]) disappearance of reduced vowels as phonemes is developed. The mixed concept of “absolutely weak position”, which is ambiguously estimated in paleo-

Russian studies, is discussed in the context of V.M. Markov's hypothesis of non-etymological reduced vowels as a trigger of their fall.

Keywords: Old Russian language, historical phonology, fall of reduced vowels, absolutely weak positions, liturgical pronunciation, new jat.

Источники

- ЕвгПс – Евгениевская псалтырь XI в. (ГПБ, Погод. 9; БАН 4.5.7).
ПА – Пандекты Антиоха XI в. (ГИМ, Воскр. 30).
Ил – Ильина книга XI–XII в. (РГАДА, Тип. 131).
Мст – Мстиславо евангелие до 1117 г. (ГИМ, Син. 1203).
ГЕ1144 – Галицкое евангелие 1144 г. (ГИМ, Син. 404).
СуздЗм – Суздальский змеевик (ГИМ, № 19726).
Евф1161 – надпись на кресте Евфросинии Полоцкой 1161 г.
ТолПс – Толстовская псалтырь XII в. (РНБ, Ф.п.I.23).
Мил – Милятино евангелие XII в. (РНБ, Ф.п.I.7).
Злат – Златоструй XII в. (РНБ, Ф.п.I.46).
СИ – Слово Ипполита (ГИМ, Чуд. 12).
ДЕ1164 – Добролюбово евангелие 1164 г. (РГБ, ф. 256, № 106).
УстС – Устав Студийский около 1170 г. (ГИМ, Син. 330).
ВарлХут – Вкладная Варлама Хутынского монастырю 1192–1210 гг.
Смол1229 – Список А Договорной грамоты смоленского князя Мстислава Давидовича с Ригию и о. Готландом 1229 г.
ТрК – Троицкий (Лаврский) кондакарь (РГБ, ф. 304.1, № 23).
ЖН1219 – Житие Нифонта 1219 или 1222 г. (РГБ, ф. 304.1, № 35).
ТА1220 – Толковый апостол 1220 г. (ГИМ, Син. № 7).
УЕ – Университетское евангелие XIII в. (НБ МГУ № 2, Ag.80).
ПЕ – Полоцкое евангелие XIII в. (РНБ, Пог. 12).
ГЕ1266–1301 – Галицкое евангелие 1266–1301 гг. (РНБ, Ф.п.I.64).
РП1282 – Русская правда по списку Новгородской кормчей 1282 г. (ГИМ, Син. 132).
ЕЕ1283 – Евсевиево евангелие 1283 г. (РГБ, ф. 178, № 3168).
ЛЕ – Луцкое евангелие XIV в. (РГБ, ф. 256, № 112).

Литература

1. *Трубецкой Н.С.* О звуковых изменениях русского языка и распаде общерусского языкового единства // Трубецкой Н.С. Избранные труды по филологии. – М.: Прогресс, 1987. – С. 143–167.
2. *Шахматов А.А.* Очерк древнейшего периода истории русского языка // Энциклопедия славянской филологии. – Вып. 11 (I). – Пг.: Отд-ние рус. яз. и словесности Имп. Акад. наук, 1915. – 368 с.
3. *Соболевский А.И.* Труды по истории русского языка: в 2 т. / Под ред. В.Б. Крысько. – М.: Яз. славян. культуры, 2004. – Т. 1: Очерки из истории русского языка. Лекции по истории языка. – 712 с.
4. *Томсон А.И.* О дифтонгизации е, о в украинском языке // Сб. Отд-ния рус. яз. и словесн. АН СССР. – Л., 1928. – Т. 110. – № 3. – С. 318–322.

5. *Shevelov G.Y.* A historical phonology of the Ukrainian language. – Heidelberg: Winter, 1979. – 809 p.
6. *Garde P.* Le mythe de l'allongement compensatoire en ukrainien // *The Annals of the Ukrainian Academy of Arts and Sciences in the United States.* – 1981–1983. – V. XV, No 39–40. – P. 69–81.
7. *Гиппиус А.А., Зализняк А.А.* О надписях на Суздальском змеевике // *Балто-славянские исследования* 1997. – М.: Индрик, 1998. – С. 550–555.
8. *Мольков Г.А.* Лингвистическое и палеографическое исследование древнерусской рукописи Милятино евангелие (РНБ, Ф.п.1.7): Дис. ... канд. филол. наук. – СПб., 2014. – 267 с.
9. *Фалёв И.А.* О редуцированных гласных в древнерусском языке // *Язык и литература.* – 1927. – Вып. 1, Т. 2. – С. 111–122.
10. *Зализняк А.А.* Древненовгородский диалект. – М.: Яз. славян. культуры, 2004. – 872 с.
11. *Шахматов А.А.* Исследование о Двинских грамотах XV в. // *Исследования по русскому языку.* – СПб.: Отд-ние рус. яз. и словесности Имп. Акад. наук, 1903. – Т. 2, Вып. 3. – 140 + 184 с.
12. *Голоскевич Г.К.* Евсевиево евангелие 1283 года: Опыт историко-филологического исследования // *Исследования по русскому языку.* – СПб.: Отд-ние рус. яз. и словесности Имп. Акад. наук, 1914. – Т. 3., Вып. 2. – 70 с.
13. *Зализняк А.А.* Древнерусская графика со смешением ъ – о, ь – е // *Зализняк А.А.* «Русское именное словоизменение» с приложением избранных работ по современному русскому языку и общему языкознанию. – М.: Яз. славян. культуры, 2002. – С. 577–612.
14. *Успенский Б.А.* Русское книжное произношение XI – XII вв. и его связь с южнославянской традицией (Чтение еров) // *Успенский Б.А.* Избранные труды: в 3 т. – М.: Шк. «Языки русской культуры», 1997. – Т. III: Общее и славянское языкознание. – С. 143–208.
15. *Ладыженский И.М.* Графико-орфографические и языковые особенности рукописных книг Типографского собрания РГАДА № 165, 166, 167: Дис. ... канд. филол. наук. – М., 2011. – 282 с.
16. *Малкова О.В.* Редуцированные гласные в Добриловом евангелии 1164 года: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. – М., 1967. – 21 с.
17. *Малкова О.В.* О принципе деления редуцированных гласных на сильные и слабые в позднем праславянском и в древних славянских языках // *Вопр. языкознания.* – 1981. – № 1. – С. 98–111.
18. *Попов М.Б.* Проблемы синхронической и диахронической фонологии русского языка. – СПб.: Филол. фак. СПбГУ, 2004. – 346 с.
19. *Фёдорова М.А.* Орфография Мстиславова евангелия и проблема узкой датировки памятников раннедревнерусского периода // *Вестн. С.-Петерб. ун-та. Сер. 9.* – 2015. – Вып. 2. – С. 164–176.
20. *Вайан А.* Руководство по старославянскому языку. – М.: Изд-во иностр. лит., 1952. – 447 с.
21. *Каринский Н.М.* Язык Пскова и его области в XV веке. – СПб.: Тип. М.А. Александрова, 1909. – 207 с.
22. *Хабургаев Г.А.* Ещё раз о хронологии падения редуцированных в древнерусском языке (в связи с вопросом о соотношении книжнописьменной и диалектной речи) // *Лингвистическая география, диалектология и история русского языка.* – Ереван: Изд-во АН Арм. ССР, 1976. – С. 397–406.

23. *Чекман В.Н.* Исследования по исторической фонетике праславянского языка: типология и реконструкция. – Минск: Наука и техника, 1979. – 215 с.
24. *Марков В.М.* К истории редуцированных гласных в русском языке. – Казань: Изд-во Казан. ун-та, 1964. – 279 с.
25. *Ладыженский И.М.* Редуцированные гласные в Ильиной книге // *Die Welt der Slaven*. – 2014 – Т. LIX. – С. 219–241.
26. *Гринкова Н.П.* Евгениевская псалтырь как памятник русской письменности XI в. // *Изв. II Отд-ния РАН*. – 1924. – Т. XXIX. – С. 289–306.
27. *Ищенко Д.С.* Древнерусская рукопись XII века «Устав студийский»: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Одесса, 1986. – 16 с.
28. *Гавриленко Т.Н.* Отражение редуцированных гласных в рукописи XII в. // *Вестн. Ленингр. ун-та. Сер. 2.* – 1989. – Вып. 2. – С. 68–73.
29. *Шулаева Д.П.* К истории языка в XIII в. (Палеографическое и фонетическое описание рукописи ГПБ Пог.12): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Л., 1970. – 15 с.
30. *Голышенко В.С.* Из истории русского языка XII века (палеографическое и фонетическое описание рукописи Чудовского собрания № 12 ГИМ): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. – М., 1963. – 26 с.
31. *Караулова Ф.В.* Палеографическое и фонетическое описание рукописи Златоструя XII века: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Л., 1977. – 22 с.
32. *Князевская О.А.* О судьбе редуцированных гласных ъ, ь в ростовских рукописях первой трети XIII в. // *Лингвогеография, диалектология и история языка*. – Кишинёв: Штииница, 1973. – С. 202–208.
33. *Князевская О.А.* Буквы о, е на месте редуцированных гласных в ростовских рукописях начала XIII в. // *Лингвистическая география, диалектология и история языка*. – Ереван: Изд-во АН Арм. ССР, 1976. – С. 327–336.

Поступила в редакцию
24.07.14

Попов Михаил Борисович – доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка, Санкт-Петербургский государственный университет, г. Санкт-Петербург, Россия.

E-mail: popov_mb@list.ru